

Рецензия

УДК 947.084.6

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-8>

Еще раз о большевизме и демократии

Рецензия на: The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020. 336 p.

Игорь Константинович Богомолов,

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия,

bogomolov@inion.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

Igor' K. Bogomolov,

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia,

bogomolov@inion.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

Аннотация. Авторы рецензируемой коллективной монографии анализируют развитие советской политической системы в довоенный период. В центре внимания давний и по-прежнему актуальный вопрос о сценариях этого развития, возможностях избежать концентрации власти в одних руках и «культы личности». При этом авторы уходят от традиционной персонификации политического процесса в СССР, отводя на второй план борьбу в руководстве ВКП(б) в 1920-е гг. В центре внимания находятся сюжеты, которые на первый взгляд часто появляются на страницах научных изданий, но на деле остаются на периферии как «изученные» и малоинформативные, например – «всемирное обсуждение» Конституции 1936 г. или взгляды В.И. Ленина на демократию. Монография отражает современные тенденции в историографии и, несомненно, будет интересна как историкам, так и политологам.

Ключевые слова: Великая российская революция, Октябрьская революция, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Конституция 1936 г.

Для цитирования: Богомолов И.К. Еще раз о большевизме и демократии. *Рецензия на:* The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020 // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 2. С. 687–701, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-8>

© Богомолов И.К., 2022

© Bogomolov I., 2022

Once again about Bolshevism and democracy

Review of Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941*. London: Bloomsbury, 2020.

Abstract. The authors of the volume under review consider the development of the Soviet political system during the pre-war period. They focus on the long-standing and still relevant issue of the scenarios for this development and the possibilities to avoid the concentration of power in a single pair of hands and the cult of personality. At the same time, the authors move away from the traditional personification of the political process in the USSR, relegating the struggle within the leadership of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (VКP(b)) in the 1920s to the background. The authors spotlight the episodes that seem to be mentioned on the pages of scholarly publications quite often but actually remain on the periphery of research, being considered as “well studied” and “of little uninformative value,” for example, the nation-wide discussion of the 1936 Constitution or Lenin’s views on democracy. The monograph shows current trends in historiography and will undoubtedly be of interest to historians and political scientists.

Keywords: Great Russian Revolution, October Revolution, Vladimir Lenin, Joseph Stalin, the 1936 Constitution

For citation: Bogomolov, I.K. “Once again about Bolshevism and democracy.” Review of Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941*. London: Bloomsbury, 2020. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 2 (2022): 687–701, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-2-8>

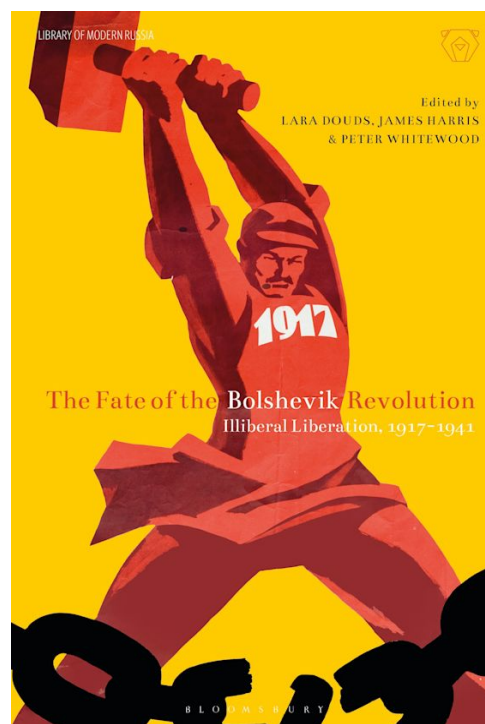
Вопрос о том, как большевистский режим прошел путь от освободительных декретов до диктатуры, находится в центре советских исследований («Soviet studies») в последние 100 лет. В своем труде «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956 г.) К. Фридрих и З. Бжезинский охарактеризовали РСДРП(б) как «тоталитарную партию», структура и отношения в которой сформировали в недалеком будущем основу диктатуры в СССР¹. В 1950–1960-е гг. этот взгляд доминировал в историографии и литературе о советской политической системе². «Ревизионисты» поставили под сомнение в том числе и этот постулат, пытаясь найти оттенки и полутона, прежде всего – в первом послереволюционном десятилетии. В 1970–1980-е гг. ленинизм зачастую противопоставлялся сталинизму, а в большевистском руководстве находились «демократы», которые в итоге были отдалены от власти или вовсе

¹ Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1965. P. 46–47.

² Pipes R. *The formation of the Soviet Union: communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954; Shapiro L. *The origin of the communist autocracy: political opposition in the Soviet State, first phase, 1917–1922*. Cambridge: Harvard University Press, 1955.

уничтожены³. Однако в основе историографии была и остается дихотомия «демократии» и «тоталитаризма», не допускающая даже возможности наличия демократических взглядов у В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и других советских руководителей. Несмотря на открытие большей части правительственных архивов в 1990-е гг., этот взгляд остается доминирующим. Во многом это связано с тем, что период после 1917 г. является, в сущности, частью современной российской политики и в обозримой перспективе не станет историей. Отсюда произрастает излишняя персонификация политической борьбы и в целом недостаточное внимание к деятельности органов власти в СССР на разных уровнях, особенно в довоенные десятилетия.

Авторы предпринимают попытку отойти от указанной дихотомии и выйти на новые горизонты изучения советской политической системы. По их признанию, задача эта нелегкая: исследователи и сегодня продолжают работать в рамках «парадигмы холодной войны» с четким распределением ролей «добра» и «зла», что до сих пор сильно сказывается на результатах научных исследований. Л. Доудс, Д. Харрис и П. Уайтвуд призывают активнее включать советский проект в контекст «реального демократического развития» в Европе начала XX в.⁴ Само по себе предложение расширить взгляд, конечно, не ново. Уже более 20 лет развивается «модернистская школа», ставящая позднеимперскую и советскую

Россию в рамки общеевропейских политических, экономических и социальных процессов⁵. С этой точки зрения, большевиками в установлении диктатуры руководила не только «злая воля», но и внешние обстоятельства. Казалось бы, и в этой мысли тоже нет ничего нового. Как известно, покушение на Ленина и убийства В. Володарского и М.С. Урицкого стали поводом для начала «красного террора». С другой стороны, «хрупкой» демократия была не только в позднеимперской России, но и во всей Европе: падали коалиционные

³ *Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938. London: Wildwood House, 1974.

⁴ *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal Liberation, 1917–1941* / edited by L. Douss, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020. P. 2.

⁵ *Russian modernity: Politics, knowledge, practices* / edited by Y. Kotsonis, D.L. Hoffmann. New York: Palgrave Macmillan, 1999.

правительства, устанавливались диктатуры, стремительно рос правый и левый популизм.

В революционной России среда для установления прочной демократии была еще менее пригодной. Развал экономики, Гражданская война и интервенция, сохраняющаяся внешняя угроза, восстания на окраинах и рост сепаратизма, низкий уровень грамотности населения, дефицит ресурсов и кадров – все это убедило большевистское руководство в том, что «расширение политического участия снизу было преждевременным»⁶. Авторы монографии пытаются проследить, как «верхи» и общество в раннем СССР искали компромисс в повседневной жизни, причем не только в политической, но и в социальной, и в культурной сферах. Изучение этого опыта сегодня представляется весьма полезным. В условиях экономического кризиса, этнических и классовых антагонизмов и «слабых традиций конституционализма», демократия сегодня, как и в первой половине XX в., «часто терпит неудачу»⁷. На этом фоне, считают авторы монографии, большевистская революция и революционная демократия как формы «нелиберального освобождения» не потеряли актуальность и по-прежнему требуют всестороннего анализа.

Монография состоит из шести разделов, каждый из которых включает несколько глав, связанных общей проблематикой. Первый раздел («Большевистская идеология и практика») – единственный, в котором подробно освещаются теоретические вопросы. Э. ван Рее попытался по-новому прочесть сочинения Ленина, написанные в период с марта по ноябрь 1917 г. При всей критике капиталистических государств, Ленин с энтузиазмом встречал новости об усилении влияния государства в Европе, призывал сокрушить власть старого чиновничества, но в то же время думал о создании нового. По сути, его концепция социализма была «откровенно бюрократической и технократической». Он дополнил и уравнивал свои предпочтения «элементом радикально-демократического утопизма», но его идеи находились под влиянием «мощных диктаторских, даже тиранических инстинктов»⁸. Само по себе утверждение, что Ленин имел диктаторские наклонности, не является новым и вполне вписывается в построения Фридриха и Бжезинского. Гораздо интереснее и полезнее вывод ван Рее, что взгляды Ленина на государственное строительство принципиально не отличались от взглядов К. Каутского и других современных ему немецких теоретиков социализма. Каутский еще в 1912 г. отмечал, что промышленное производство бюрократично по своей сути, что бюрократию необходимо контролировать, а не сокращать и тем более уничтожать⁹. Ленин мечтал об экономике, управляемой эффективной

⁶ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 10.

⁷ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 10.

⁸ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 28.

⁹ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 20.

бюрократией, и если бы все его планы были реализованы, то Советская Россия «превратилась бы в тот же ультрацентрализованный синдикат, которым она стала позже»¹⁰.

Хотя во введении к монографии много говорится о международном контексте, фактически ему посвящены лишь две главы. В одной из них Л. Лих сравнивает опыт немецких социал-демократов и большевиков в организации массовой партии. Печать, организованные митинги, шествия и концерты – все это активно применяла социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и всего этого были совершенно лишены большевики в царской России. После прихода к власти они в полной мере развернули эти инструменты «массовизации» политики, но суть была уже совершенно иная: если германские социал-демократы таким путем распространяли свои идеи, то большевики легализовывали свою власть¹¹.

Во втором разделе («Рабочая демократия и советское государственное строительство») рассматривается, как идеи «пролетарской» демократии претворялись в жизнь через советское государственное строительство. Авторы подчеркивают, что большевики, вопреки своей репутации, поначалу охотно и умело лавировали, вступали в тактические союзы с силами «справа» и учитывали региональную специфику. Это хорошо продемонстрировал Д. Ирвин на примере революционного Екатеринбурга. Интерес представляет также исследование Лары Доудс о феномене «ходоков» в первые годы советской власти. Появившиеся в средние века «челобитные» глубоко укоренились в массовом сознании как возможность прямого обращения к «царю-батюшке» со своими проблемами и нуждами. Доудс приходит к интересному выводу: большевики не только не могли, но и не хотели прерывать традицию прямого обращения народа к правителям. Парадоксальным образом она вписывалась в логику раннего большевизма: уничтожение старого чиновничества означало в том числе и стирание границ между «народными массами» и руководителем государства. Это яркий пример, демонстрирующий глубокие исторические корни авторитаризма большевиков, который невозможно объяснить «простыми злыми намерениями любого властолюбивого лидера»¹².

Я. Кокосалакис отмечает недооценку кампании по «демократизации» партии на фоне принятия Конституции 1936 г. Призывы к ротации руководящих лиц и введению конкурентных выборов чаще всего воспринимаются как декорация, за которой скрывалось стремление Сталина укрепить свою власть и расправиться с остатками оппозиции. Не отрицая этих намерений, Кокосалакис утверждает, что «демократизация» была именно целью, а не декорацией. Ее стоит рассматривать как «амбициозный

¹⁰ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 28.

¹¹ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 45.

¹² The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 75.

политический проект», вдохновленный марксистско-ленинской идеологией. Автор заключает, что эта кампания оказала заметное влияние на функционирование советского государства¹³. Однако представляется, что приведенных автором аргументов все же недостаточно. Формальным поводом для отмены конкурентных выборов стало начало Великой Отечественной войны, но для этого мог представиться и другой, даже внутривнутриполитический повод. К тому же, такая постановка вопроса вновь подводит к извечному спору о наличии или отсутствии у «вождя народов» демократических взглядов и замыкает на его личности политические процессы в СССР в 1930-е гг.

В третьем разделе («Внутрипартийная демократия») авторы пытаются найти глубинные причины появления сталинской диктатуры. Я. Тэтчер приходит к выводу, что Троцкий, подобно Ленину, так и не вывел баланс между демократизацией и бюрократизацией, излишне персонифицируя последнюю и считая ее предательством идеалов революции. С другой стороны, он признавал бюрократию неизбежным злом, а значит и появление Сталина – «лидера без качеств» – также было неизбежно. Свою борьбу 1923–1929 гг. он считал «безнадежной, но необходимой попыткой поддержать революционные традиции большевизма»¹⁴. Тэтчера поддержал Дж. Харрис в своей статье о внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Интригам Сталина Троцкий противопоставлял «лобовые атаки» на большинство в Политбюро, что уже само по себе обрекало левую оппозицию на поражение. Автор подчеркивает, что Троцкий проиграл не столько Сталину, сколько его сторонникам в Политбюро и ЦК. Однако об этом сюжете и вообще об окружении двух лидеров автор упоминает весьма кратко.

Четвертый раздел («Репрессии и контроль») посвящен анализу истоков репрессивных кампаний 1920–1930-х гг. А. Гетти, к примеру, поднял недооцененную, но весьма перспективную тему роли региональных властей в розыске и поимке «врагов народа». По мнению автора, большевистское руководство опасалось реальных или воображаемых врагов и передавало функции «узаконенного насилия» местным властям и населению, которые получали право «решать, кого и сколько убивать»¹⁵. Вместе с тем, Гетти не стал уходить в крайность и взваливать ответственность только на регионы, отметив, что в проведении репрессивных кампаний 1937–1938 гг. они гораздо больше, чем раньше, «оглядывались» на Москву. О. Великанова также отметила растущую подозрительность в обществе в середине 1930-х гг. При обсуждении новой конституции требование реальных гражданских прав соседствовало с «массовым недовольством, неодобрением новых свобод, предупреждениями о многочисленных врагах и требованиями продолжения сегрегации “бывших

¹³ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 92.

¹⁴ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 106.

¹⁵ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 139.

людей”»¹⁶. Великанова подчеркивает, что влияние таких настроений на решение Сталина о начале «чисток» не стоит умалять. Среди недооцененных факторов репрессий О. Великанова и П. Уайтвуд называют и начало гражданской войны в Испании в 1936 г.

В пятом разделе («Межнациональные отношения и международные угрозы») рассматривается национальная политика в первые десятилетия советской власти. О. Палко приходит к важному выводу, что подход Москвы в отношениях с окраинами различался в зависимости от местных условий. Официальные декларации о стирающихся границах между национальностями соседствовали с процессами «коренизации» и постепенным формированием местных национальных элит. В советской Украине, отмечает Палко, процесс шел быстрее, чем в других республиках. Уже в 1920-е гг. новые национализированные элиты «начали бросать вызов центральному руководству, пытаясь получить контроль над структурой власти и принятием решений»¹⁷.

В шестом разделе («Культура и общество: эксперименты и контроль») поднимаются вопросы демократизации и уровня свободы образования и культуры в первые годы советской власти. Авторы подчеркивают, что большевики пытались лавировать в этих вопросах, постоянно меняя свои подходы в зависимости от внутри- и внешнеполитического положения. Э. Уиллимонт отмечает, что большевистское руководство в 1920-е гг. так и не смогло найти баланс между поощрением общественных организаций и их участием в реальном принятии политических решений. То же касалось и народного просвещения, отношение к которому большевиков было строго утилитарным. По мнению П. Корриган, замысел Ленина – «установить свободу прессы посредством пролетарского контроля над всей печатной продукцией»¹⁸ – был трудноосуществим, так как не давал цензорам четких границ дозволенного. В 1930-е гг. это привело к парадоксальной ситуации, когда фактически неограниченная цензура постоянно критиковалась за неэффективную работу и непоследовательность.

В целом рецензируемая монография вполне вписывается в современные тенденции изучения раннесоветского периода. Одной из основных является постепенный отход от характеристики революции 1917 г. как «исторического водораздела», идущего вразрез с политическими и культурными традициями российского государства¹⁹. В последние годы также наблюдается отказ от персонификации политических процессов в раннем СССР. Авторы привели

¹⁶ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 151.

¹⁷ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 170.

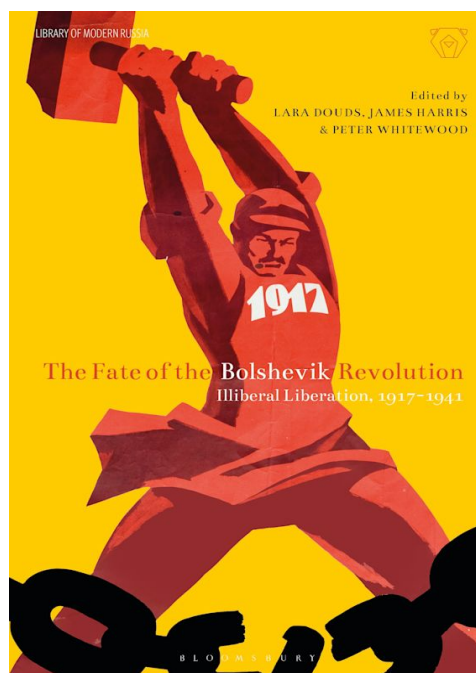
¹⁸ The Fate of the Bolshevik Revolution. P. 214.

¹⁹ Rethinking the Russian revolution as historical divide / edited by M. Neumann, A. Willimott. London: Routledge, 2017.

яркие примеры преемственности и влияния российской политической традиции на большевиков после их прихода к власти. Однако повествование, за редким исключением, строится вокруг руководителей государства – Ленина, Сталина, Троцкого. Отметив важность международного контекста развития советской демократии, авторы, тем не менее, не уделили ему должного внимания, лишь вскользь упомянув гражданскую войну в Испании, смену режимов в Германии и Италии. Не вполне обоснованным выглядит ограничение исследования довоенным периодом. Думается, что экстремальные условия войны вынуждали людей быть самостоятельнее и инициативнее, что влияло и на деятельность местных органов власти. Образно говоря, «судьба» большевистской революции решалась не только под Царицыном в 1918–1919 гг., но и под Москвой и Сталинградом в 1941–1942 гг. Несмотря на указанные недочеты, рецензируемая монография определенно достойна внимания как образец взвешенного и разностороннего изучения советской политической системы в 1920–1930-е гг.

The question of how the Bolshevik regime proceeded from liberation decrees to dictatorship has been the focus of Soviet studies for the last 100 years. In their work *Totalitarian Dictatorship and Autocracy* (1956), C. Friedrich and Z. Brzezinski described the Russian Social-Democratic Workers' Party (RSDRP(b)) as the totalitarian party whose structure and relations within formed the basis for dictatorship in the USSR in the near future.¹ In the 1950s–1960s this view dominated in historiography and literature on the Soviet political system.² The revisionists questioned this postulate as well, trying to find shades and halftones, primarily in the first post-

¹ C. Friedrich and Z. Brzezinski, *Totalitarian dictatorship and autocracy* (Cambridge: Harvard University Press, 1965), 46–47.

² R. Pipes, *The formation of the Soviet Union: communism and nationalism, 1917–1923* (Cambridge: Harvard University Press, 1954); L. Shapiro, *The origin of the communist autocracy: political opposition in the Soviet state, first phase, 1917–1922* (Cambridge: Harvard University Press, 1955).

revolutionary decade. In the 1970s–1980s Leninism was often opposed to Stalinism, and some “democrats” were found among the Bolshevik leadership who were eventually removed from power or completely destroyed.³ However, historiography was and is still based in the dichotomy of democracy and totalitarianism, which does not admit even the slightest possibility of Lenin, Stalin, Trotsky, and other Soviet leaders holding democratic views. Despite the opening of the major part of the government archives in the 1990s, this view remains dominant. In many respects, it is connected with the fact that the period after 1917 in essence remains a part of contemporary Russian politics and will not become history in the foreseeable future. What stems from this is the excessive personification of the political struggle and generally insufficient attention to the activities of the USSR authorities at various levels, especially in the pre-war decades.

The authors made an attempt to move away from this dichotomy and to reach new horizons for studying the Soviet political system. They admit that this task is not easy: even today, the researchers still work within the framework of the “Cold War paradigm” with a clear distribution of the roles of “good” and “evil,” which still greatly affects the results of scientific research. Lara Douds, James Harris, and Peter Whitewood call for the Soviet project to be more actively included in the context of the real democratic development in Europe at the beginning of the 20th century.⁴ Of course, the proposal to expand this view is not new. The modernist school of thought that places late imperial and Soviet Russia within the framework of common-European political, economic and social processes⁵ has been developing for more than 20 years. From its point of view, in establishing the dictatorship, the Bolsheviks were guided not only by ill-will but also by external circumstances. It would seem that there is nothing new in this thought either. It is known that the beginning of the Red Terror was caused by the attempt on Lenin and the murders of V. Volodarsky and M. Uritsky. On the other hand, democracy was “fragile” not only in late imperial Russia but throughout Europe: coalition governments fell, dictatorships were established, and right-wing and left-wing populism grew rapidly.

In revolutionary Russia, the environment was even less suitable for the establishment of a stable democracy. The economic collapse, the Civil War and intervention, the continued external threat, the uprisings in the borderline regions and the growth of separatism, the low level of literacy of the population, the lack of resources and personnel – all this convinced the Bolshevik leadership that that “the

³ S. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938* (London: Wildwood House, 1974).

⁴ L. Douds, J. Harris, and P. Whitewood, eds., *The fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941* (London: Bloomsbury, 2020), 2.

⁵ Y. Kotsonis and D.L. Hoffmann, eds., *Russian modernity: Politics, knowledge, practices* (New York: Palgrave Macmillan, 1999).

extension of political participation from below was premature.”⁶ The authors of the monograph try to retrace the ways how the supreme authorities and society in the early USSR sought for a compromise in everyday life, only in the political but also in the social and cultural spheres of life. The study of this experience appears to be very useful today. “In contexts of economic crisis, ethnic and class divisions and weak traditions of constitutionalism, transparency, consensus-building and compromise, democracy can, and frequently does, fail”⁷ as it did in the first half of the 20th century. The authors of the monograph believe that against this background, the Bolshevik revolution and revolutionary democracy as forms of “illiberal liberation” have not lost their relevance and still require a comprehensive analysis.

The monograph consists of six parts, each of which includes several chapters related to the common subject matter. The first part (“Bolshevik Ideology and Practice”) is the only one that covers theoretical issues in detail. Erik van Ree tried to read Lenin’s focuses on Lenin’s writings in the months March to November in a new way. In spite of the criticism of capitalist states, Lenin was enthusiastic about the news on the growing influence of the state in Europe and called for crushing the power of the old bureaucracy, but at the same time he was thinking about creating a new bureaucracy. In essence, his concept of socialism was straightforwardly bureaucratic and technocratic. He complemented and balanced his preferences with “an element of radical-democratic utopianism,” but his ideas were “overshadowed by powerful dictatorial, even tyrannical instincts.”⁸ The statement that Lenin had dictatorial inclinations is not new and fits well within the theories of Friedrich and Brzezinski. Of much more interest and use is van Ree’s conclusion that Lenin’s views on state-building did not fundamentally differ from those of Karl Kautsky and other German theorists of socialism of that time. In 1912, Kautsky argued that it was in the nature of modern production to fall under a “bureaucratic organization.” Bureaucracies must be controlled, not reduced, let alone destroyed.⁹ Lenin dreamed of the orderly socialist economy run by efficient bureaucracy, and if all his plans had been realized, “Soviet Russia would have turned out the same ultra-centralized syndicate it later became.”¹⁰

Although the introduction to the monograph gives much space to the international context, only two chapters actually cover it. In one of them, Lars T. Lih compares the experience of the German Social Democrats and the Bolsheviks in organizing a mass party. The press, organized rallies, processions, and concerts were – all these campaigning means were actively used by the Social Democratic Party of Germany

⁶ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 10.

⁷ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 10.

⁸ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 28.

⁹ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 20.

¹⁰ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 28.

(SPD), but the Bolsheviks in Tsarist Russia were deprived of them. After coming to power, they fully deployed these tools of massification of politics, but the essence was completely different. While the German Social Democrats pioneered the techniques of the permanent campaign in order to spread their message, the Bolsheviks used them in order to legalize their power.¹¹

The second part (“Workers’ Democracy and Soviet State-Building”) examines how the ideas of “proletarian” democracy were put into practice through Soviet state-building. The authors emphasize that despite their reputation, at first the Bolsheviks maneuvered willingly and skillfully, making tactical alliances with the right-wing forces and took into account regional specificity. This was well demonstrated by Dakota Irvin through a case study of revolutionary Yekaterinburg. Of interest is the research into the phenomenon of petitioners (*khodoki*) in the early years of Soviet rule conducted by Lara Douds. The practice of petitions (*chelobitnaya*) that emerged in the Middle Ages were deeply rooted in the mass consciousness as an opportunity to address “Father the Tsar” directly with one’s problems and needs. Douds came to an interesting conclusion. The Bolsheviks could not break the tradition of directly addressing the ruler by the people, and they had no intention of doing that either. Paradoxically, they fitted into the logic of early Bolshevism. Among other things, the destruction of the old bureaucracy meant the erasure of boundaries between the masses and the leader of the state. This is a vivid example that illustrates the deep historical roots of Bolshevik authoritarianism, which can hardly be explained by “simple ill-intentions of any power-hungry leader.”¹²

Yiannis Kokosalakis points out that the campaign for the democratization of the party against the background of the adoption of the 1936 Constitution was underestimated. Calls for the rotation of leaders and the introduction of competitive elections are most often perceived as a decoration behind which Stalin’s desire to strengthen his power and crack down on the remnants of the opposition was hidden. Without denying these intentions, Kokosalakis argues that democratization was not the decoration but the goal. It should be viewed as an “ambitious political project” inspired by the Marxist-Leninist ideology. The author concludes that although not spectacular, the campaign “did have some appreciable effects on the functioning of the Soviet party-state.”¹³ However, the arguments given by the author may seem insufficient. The outbreak of the Great Patriotic War served as a formal pretext for the cancellation of competitive elections, but another, even internal political reason could have been found for this. In addition, such a formulation of the issue leads us again to the eternal dispute whether the “leader of the peoples” had or had not

¹¹ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 45.

¹² Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 75.

¹³ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 92.

democratic views and focuses the political processes in the USSR in the 1930s to his personality.

In the third part (“Internal Party Democracy”), the authors try to find the underlying causes of the Stalinist dictatorship. Ian D. Thatcher comes to the conclusion that Trotsky, like Lenin, never managed to balance between democratization and bureaucratization, overly personifying the latter and considering it as a betrayal of the ideals of the revolution. On the other hand, he recognized bureaucratization as an inevitable evil, and therefore the emergence of Stalin, “the leader without qualities,” was also inevitable. In retrospect, “he described his struggles of 1923–29 as a hopeless but necessary attempt to keep the revolutionary traditions of Bolshevism alive.”¹⁴ Thatcher was supported by James Harris in his article on the internal party struggle in the 1920s. Trotsky countered Stalin’s intrigues with “frontal attacks” on the majority in the Politburo, which itself doomed the left-wing opposition to defeat. The author emphasizes that Trotsky lost not so much to Stalin as to his supporters in the Politburo and the Central Committee. However, the author mentions this storyline and the entourage of the two leaders in general very briefly.

The fourth part (“Repression and Moderation”) analyzes the origins of the repressive campaigns of the 1920s–1930s. J. Arch Getty, for example, raised an underestimated, but very promising topic of the role of regional authorities in the search and capture of “enemies of the people.” According to the author, the Bolshevik leadership was afraid of real or imagined enemies and transferred the functions of “licensing violence” to local authorities and the population who were given “the power to decide whom and how many to kill.”¹⁵ At the same time, Getty did not decide to go to extremes and shift the blame on the regions. He noted that in carrying out the repressive campaigns of 1937–38 they “looked back” at Moscow much more often than before. Olga Velikanova also noted the growing suspicion in society in the mid-1930s. When discussing the new constitution, the demand for real civil rights “contrasted with mass discontent, disapproval of new liberties, warnings about numerous enemies and demands for continuing segregation of ‘former people’.”¹⁶ Velikanova emphasizes that the influence of such sentiments on Stalin’s decision to start “purges” should not be underrated. Among the underestimated factors of repression Olga Velikanova and Peter Whitewood also mention the outbreak of the Spanish Civil War in 1936.

The fifth part (“National Tensions and International Threats”) examines national politics in the first decades of Soviet rule. Olena Palko makes an important conclusion. Moscow’s approach to relations with the outskirts differed depending on

¹⁴ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 106.

¹⁵ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 139.

¹⁶ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 151.

local conditions. Official declarations about the erasure of borders between nationalities coexisted with the processes of *korenizatsiya* (literally, indigenization) and gradual formation of local national elites. Palko notes that in Soviet Ukraine the process was faster than in other republics. In the 1920s “the new nationalized elites began challenging the central leadership, attempting to gain control over the power structure and decision-making.”¹⁷

The sixth part (“Culture and Society: Experimentation and Control”) raises issues of democratization and the level of freedom of education and culture in the early years of Soviet rule. The authors emphasize that as far as these issues were concerned, the Bolsheviks tried to maneuver and were constantly changing their approaches depending on the domestic and foreign political situation. Andy Willimott notes that in the 1920s the Bolshevik leadership failed to find a balance between encouraging public organizations and their participation in real political decision-making. The same applied to public education, the attitude of the Bolsheviks towards which was strictly utilitarian. According to Polly Corrigan, Lenin’s plan “to establish freedom of the press through proletarian control of all printed matter”¹⁸ was difficult to implement, since it did not provide the censors with clear limits of what was normally allowed. In the 1930s, this led to the paradoxical situation when actually unlimited censorship was constantly criticized for being inefficient and inconsistent.

In general, the monograph under review fits in the current trends in the study of the early Soviet period perfectly well. One of these trends is the gradual shift from the characterization of the 1917 Revolution as “historical divide” that runs counter to the political and cultural traditions of the Russian state.¹⁹ In recent years, there has also been a refusal to personify political processes in the early USSR. The authors cited vivid examples of the continuity and influence of the Russian political tradition on the Bolsheviks after their accession to power. However, the narrative, with rare exceptions, is built around the leaders of the state – Lenin, Stalin, and Trotsky. Noting the importance of the international context for the development of Soviet democracy, the authors, however, did not pay it due attention, making only a brief mention of the Spanish Civil War and the change of regimes in Germany and Italy. Limiting the study to the pre-war period does not appear entirely justified. The extreme conditions of the war forced people to be more independent and proactive, which also influenced the activities of local authorities. Figuratively speaking, the fate of the Bolshevik Revolution was decided not only near Tsaritsyno in 1918–19 but also near Moscow and Stalingrad in 1941–42. Despite these shortcomings, the

¹⁷ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 170.

¹⁸ Douds, Harris, and Whitewood, *The fate of the Bolshevik Revolution*, 214.

¹⁹ M. Neumann and A. Willimott, eds., *Rethinking the Russian Revolution as historical divide* (London: Routledge, 2017).

monograph under review is definitely worthy of attention as an example of a balanced and versatile study of the Soviet political system in the 1920s–1930s.

Список литературы

Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938. London: Wildwood House, 1974. 495 p.

Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1965. 439 p.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 355 p.

Rethinking the Russian Revolution as historical divide / edited by M. Neumann, A. Willimott. London: Routledge, 2017. 277 p.

Russian modernity: Politics, knowledge, practices / edited by Y. Kotsonis, D.L. Hoffmann. New York: Palgrave Macmillan, 1999. 287 p.

Shapiro L. The origin of the communist autocracy: Political opposition in the Soviet State, first phase, 1917–1922. Cambridge: Harvard University Press, 1955. 397 p.

The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941 / edited by L. Douds, J. Harris, P. Whitewood. London: Bloomsbury, 2020. 336 p.

References

Cohen, S. *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A political biography 1888–1938*. London: Wildwood House, 1974.

Douds, L., J. Harris, and P. Whitewood, eds. *The Fate of the Bolshevik Revolution: Illiberal liberation, 1917–1941*. London: Bloomsbury, 2020.

Friedrich, C., and Z. Brzezinski. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

Kotsonis, Y., and D.L. Hoffmann, eds. *Russian modernity: Politics, knowledge, practices*. New York: Palgrave Macmillan, 1999.

Neumann, M., and A. Willimott, eds. *Rethinking the Russian Revolution as historical divide*. London: Routledge, 2017.

Pipes, R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954.

Shapiro, L. *The origin of the communist autocracy: Political opposition in the Soviet state, first phase, 1917–1922*. Cambridge: Harvard University Press, 1955.

Информация об авторе

Игорь Константинович Богомолов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>, bogomolov@inion.ru, Институт научной информации по общественным наукам РАН (117418 Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21)

Information about the author

Igor' K. Bogomolov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher; <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>, bogomolov@inion.ru, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) (51/21, Nakhimovskii prospekt, Moscow, 117418, Russia)

Статья поступила в редакцию 28.07.2021; принята к публикации 17.09.2021.

The article was submitted 28.07.2021; accepted for publication 17.09.2021.